

**«ПАРМЕНИД» КАК СВОЕВРЕМЕННЫЙ И НЕУМЕСТНЫЙ ТЕКСТ.
М.ХАЙДЕГГЕР. ПАРМЕНИД. ПЕР. С НЕМ. А.П.ШУРБЕЛЕВА. СПБ.,
2009. 384 с.**

О любой новости – даже много меньшей по значимости, чем выход давно ожидаемого перевода одного из самых чреватых текстов двадцатого столетия – принято начинать речь со слов «является событием...». Это, на первый взгляд, ни к чему не обязывающее выражение давно находится среди предательских канцеляризов – и тем больше у нас оснований не упустить случая показать, какую ответственность оно на нас налагает и почему стоит быть с ним как можно более осмотрительным. В данном случае ясно, что слово «событие» не имеет никаких шансов пройти безнаказанно уже потому, что оно является принципиальнейшим термином для автора, чей текст сегодня находится в нашем распоряжении. Уже из этого становится очевидным, что этим термином можно обозначить не все что угодно.

Потому мы не будем пользоваться плодами легкодоступной аннотационной манеры, но сразу поставим себе задачей выяснить, какого рода новый этап открылся для читающих по-русски посредством того, что чтению их предложен еще один из проясняющих это «событие» текстов?

Спрашивая об этом, мы имеем в виду также и то, что каждый из последующих переводов Хайдеггера является очередным рубежом не просто в частной истории российского хайдеггерианства, но прежде всего – и это много существеннее – является эпизодом в том самом процессе, о котором и ведет речь Хайдеггер в своих работах. Процесс этот является судьбой говорящей и мыслящей общественности – судьбой, обязывающей ее постоянно иметь дело с неустранимостью, присутствие которой демонстрирует всякая интеллектуальная инициатива – в частности, современная, в которой неустранимость эта приобретает особые черты. Именно об этом и размышляет Хайдеггер, постоянно указывая на то, что лежит в основании происходящего в истории мысли.

При том непосредственную реальность существования этой неустранимости он демонстрирует напрямую лишь в исключительных случаях, которые сам же и организует собственным высказыванием – притом что ни о каком авторском произволе речи не идет. Прочитируем знаменитую сентенцию из «Основных понятий метафизики»: «Так оказалось, что это охватывающее понимающее вопрошание коренится, по существу, в той захваченности, которая призвана нас определять и на почве которой мы только и обретаем способность всеохватывающего понимания и схватывания того, о чем спрашиваем»¹.

Эта требовательная к смыслу и обширная цитата может запутать и даже ввести в заблуждение, в котором нам покажется, будто речь идет об изначально данной человеку некоей естественной вовлеченности, которая будто бы гарантирована нам от века в силу того, что мы являемся «живыми,

¹ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 116–122.

мыслящими» – и «смертными», как еще обязательно добавляют, – существами. Но на деле суть сказанного уточняется в другом месте – там, где Хайдеггер, не ссылаясь ни на какие возвышенные реалии, ставит своей целью указать публике, что существуют некоторые акты высказывания, алгоритм которых описывается следующей зависимостью: «Каждый метафизический вопрос может быть задан только так, что спрашивающий – как таковой – тоже вовлекается в него, т. е. тоже подпадает под вопрос. Это служит нам указанием: наш метафизический вопрос должен ставиться в целом и исходя из сущностного местоположения нашего вопрошающего бытия»².

Принято толковать эту, равно как и предыдущую, цитату так, как будто они вместе намекают на вовлеченность в происходящее действие самого спрашивающего целиком, со всеми потрохами. Именно здесь и лежат источники крайне проблематичного обращения с Хайдеггером как с «представителем экзистенциальной мысли». Это обращение ныне все еще имеет место – и именно в нем же самом и следует искать исправление этого искаженного толкования. Находим же оно там, где экзистенциальная трактовка, посягая на «всю человеческую личность» в целом, сталкивается с ограничением, буквально на полном ходу останавливающим ее притязания. Ибо в хайдеггеровском заходе «вовлечен» вовсе не сам «человек» (понятие, уже для самого Хайдеггера сомнительное), но то, что буквальным образом *говорится*. Иначе говоря, есть нечто такое, вопрошание о чем уже находится внутри искомого вопроса. Остается лишь один вопрос: какие следствия это нахождение внутри вопроса для происходящего влечет?

Здесь мы подходим к центральному пункту, вокруг которого выстраиваются все хайдеггеровские подступы к ситуации, особенность которой он сумел увидеть лучше всех прочих. Ибо тот этап, на котором сам Хайдеггер не только пишет, но и *видит* себя с необходимостью пишущим и свидетельствующим, странным образом открывается Хайдеггеру также и в качестве такого этапа, на котором в происходящее вопрошание вовлекается вся речь без остатка. Именно этому моменту и пытается Хайдеггер найти надлежащее выражение, пытаясь подчеркнуть его принципиальность в том, что сам он называет «поворотом в истории Бытия» (вопреки той манере, в которой «поворот» этот применяется исключительно к самой эволюции хайдеггеровского корпуса в той «биографической» манере, которая самому Хайдеггеру, безусловно, претила).

Иначе говоря, Хайдеггер замечает – а впоследствии находит тому и ряд исторических подтверждений, – что ныне сделать акт высказывания, публично выразив тем самым «оценку» или свое пресловутое «свободное мнение», и означает совершить вовлечение в то поле, которое Хайдеггер видит таким чреватым и таким *показательным*. Поле это таково, что в нем каждое высказывание способно продемонстрировать готовность или же нежелание иметь дело с тем, что «сказанное» уже сказывает (а не «собирается сказать», как это представлено в романтической мифе о некоем «неведомом содержании», которое еще только предстоит выразить). Под вопросом здесь находится вовсе не бытие самого говорящего, но нечто неустранимое, с чем имеет дело всякая речь. Даже в том случае, если сам говорящий об этом ничего не знает, оно в самой речи так или иначе «скажется». Саму его неустранимость Хайдеггер называет «Бытием» – оно по сути и есть имя для этой неустранимости, которая пронизывает любое заявление, любую попытку претендовать на понимание происходящего, равно как и на попытку повторной передачи того, что тот или иной мыслитель по этому поводу произнес или записал.

² Хайдеггер М. Что такое метафизика // Время и бытие. М.: Наука, 2007. С. 67.

Именно потому вся прихотливая траектория попыток толкования хайдеггеровской мысли сама является полноправным продолжением той самой принципиальной и проблематичной истории, которую Хайдеггер пытается по мере своих сил и доступных ему средств выражения описать. Уже поэтому здесь нет и не может быть места общему предрассудку, будто бы хайдеггеровский проект представляет собой некий отдельный и специфический концептуальный феномен, а его освоение и последующая академизация, напротив, являются чем-то дополнительным и происходящим как будто бы лишь «по его поводу», обладая тем самым, якобы, исключительно историко-философской ценностью.

Напротив, любая необходимость иметь с текстом Хайдеггера дело выступает как полноправное продолжение того самого «События», о котором в этих текстах и заводится речь. Очень важно понять, что в т. н. «публичной речи» – т. е. той активности, которую т. н. интеллектуал проявляет в отношении того, что сам полагает «материалом для обсуждения» – перед нами именно то, о чем сам Хайдеггер и говорит, предупреждая, что действительный план происходящего находится в самом ближайшем. Потому «Событие» в данном случае – это вовсе не выдуманная самим Хайдеггером перспектива отношения к некоему произвольно им положенному пункту («Бытие»), но строгое указание на тот факт, что каждое публичное заявление, каждая попытка размышления – адресована она самому Хайдеггеру или чему-либо еще – сегодня терпит неудачу, не зная притом, как именно этот с ней происходит и не испытывая нужды в том, чтобы узнать. Тем не менее эта неудача существует и предьявляет себя как постоянное скрытое упущение самой речи, на которое та наталкивается в своем развертывании. Именно этот момент и пытается истолковать хайдеггеровская мысль, показывая данный пункт как неизбежную преграду для всякой речи и в то же время как на ее неведомое место, которое необходимо отыскать и на которое следует указать, поскольку мысль и речь склонны свободно миновать его, как будто не замечая. Тем не менее в отношении этого места нас способно сориентировать любое высказывание постольку, поскольку оно демонстрирует наличие в себе самом провала в той же степени, в которой стремится его наличие скрыть под уверениями, что дело с тем или иным вопросом обстоит проще некуда и его решение является лишь вопросом времени и средств.

Именно потому, зная толк в этом измерении, а не ради упражнения в софистике Хайдеггер и заявляет: «И грубые заблуждения в чем-то плодотворны, даже если они выкрикиваются в ослепленной полемике»³. Оттого ни одна реакция на хайдеггеровский текст – даже самая тенденциозная и небрежная – не является бессодержательной. Напротив, любые попытки представить сказанное Хайдеггером как нечто бесцельно экзотическое, сами по себе уже есть воплощение невозможности справиться с чем-то таким, на что Хайдеггер попытался указать, предупредив, что речь пойдет о самых что ни на есть ближайших затруднениях, касающихся всего мыслящего сообщества в целом. Этим его указанием загадка отнюдь не исчерпана – так что видеть хайдеггеровский корпус неким раритетом, частью ушедшей истории, еще очень рано. Обо всем это небесполезно сказать еще и потому, что читатели постепенно привыкают воспринимать все написанное и произнесенное Хайдеггером как философский *миф* – без сомнения, славный и достойный, но при том как будто чересчур уж требовательный в своей масштабности,

³ Хайдеггер М. Послесловие к «Что такое метафизика» // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 37.

и оттого еще более сомнительный. Работы в духе «Политической онтологии Мартина Хайдеггера» П.Бурдые⁴, а также прочие сомневающиеся и даже оскорбительные попытки все сделанное Хайдеггером насмешливо или же обеспокоенно (якобы в интересах «критической мысли») девальвировать, отнюдь не падают с неба. Напротив, все они являются выражением того реактивного недоверия, которое складывается в читающей публике в отношении хайдеггеровского способа ставить вопрос как раз о том, что именно может заставить самих интеллектуалов от некоторых вопросов отстраниться.

Именно поэтому нельзя от факта существования подобных девальваций просто-напросто отмахнуться. Напротив, необходимо отдавать отчет в том, какая именно здесь сложилась ситуация и как именно то, что было Хайдеггером усмотрено, сказывается в той реакции, которой удостоивается в том числе и само хайдеггеровское предсказание.

Прежде всего эта ситуация такова, что представленное в хайдеггеровских текстах учение о Бытии, которое будто бы настойчиво требует к себе толкования, оказывается для современных читателей вещью абсолютно мифической, которая вызывает известное стороннее уважение, но притом не обязывает к ощущению, будто участие в предложенном Хайдеггером действии неотвратимо и что оно реально сказывается в той ситуации, в которой читающая и комментирующая публика в действительности находится. Именно так даже самые преданные комментаторы невольно привыкают иметь с Хайдеггером дело – уважая его начинание, но не относясь к нему слишком серьезно – как будто слушателям всех пространных речей о «Бытии» нежданно вручен громоздкий подарок, с которым трудно справиться и еще труднее его реально применить, но которому тем не менее необходимо оказать должный прием, поддержав его переводами, комментариями и включениями в университетскую программу. Под умиротворяющим знаком этого «должного» и «достойного» отношения и проходит история взаимодействия с «хайдеггеровской философией» – это позволяет держать ее саму на почтительном расстоянии, помещая в закрытый контейнер историко-философского знания.

Вопреки этому процессу усмирения и умиротворения снова и снова приходится констатировать, что здесь существует момент сопротивления некоей невозможности, которая заявляет о себе там, где от ее реальности отказываются. Отказом этим, как правило, и служит заведомое и безоговорочное признание всего сделанного Хайдеггером как «ценного» и «признанного». Нет нужды говорить, что подобное отношение и есть по сути попытка сгладить то актуальное и потому опасное для различных форм умиротворенности содержание, перед фактом которого постоянно ставит читателя хайдеггеровский корпус.

Мы же осмелимся утверждать, что сам факт перевода – и в особенности очень позднего, заждавшегося перевода, подобного изданному «Пармениду», – продолжает свидетельствовать о том, что процесс, во многом лишь предчувствовавшийся Хайдеггером, уже налицо, и что заявленная «история Бытия» действительно продолжается, представая в облики тех реакций, которые подобный текст, будучи предоставлен в распоряжение публики, может за собою повлечь. Речь при этом идет не о «социальном контексте», оказывающем на чтение некоторое влияние, но о том, что сама складывающаяся ситуация публикации текста и публичной обреченности иметь с ним дело сами по себе доказывают реальность той самой истории, которую Хайдеггер объявил уже развязанной и в которой по мере сил сам принимал участие. Именно так

⁴ Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М., 2007.

следует сегодня тексты Хайдеггера актуализировать, поскольку иного способа сохранить за ними статус реально действующего проекта просто не существует. Невозможно голословно и официально заявлять об их «важности», не видя того факта, что «Парменид» описывает и предсказывает вполне реальные отношения, которые складываются в публичном восприятии вокруг мысли вообще, равно как и вокруг его собственного предъявления.

Потому характеристику этих отношений мы начнем с замечания о том, в каком смысле можно говорить о работе Хайдеггера как о «своевременном тексте» (еще один канцелярский фетиш, ждущий своего расколдовывания) и почему это не мешает ему оставаться «неуместным», притом что неуместность эта является в своем роде пожизненной. Дело в том, что в раскладе, в котором этот текст выступает в поле современной мысли, «своевременный» означает почти то же самое, что «своенравный». То время, которому он как будто бы соответствует (а это и есть смысл, который прячется в термине «своевременный» в его бытовом, онтическом употреблении, обманчиво нас тем самым успокаивая) на деле является временем его собственным. Сам текст и задает отсчет, в котором получают значение обстоятельства, свидетельствующие об участии – и, одновременно, об участии субъекта, этот текст читающего. Все это в конечном счете говорит об обязанности кое-что об этой участии узнать – сам текст Хайдеггера и призван показать, что такая возможность существует, поскольку субъект и есть тот, кто обязывается в итоге опознать эту участь как свою. Именно в этом смысле хайдеггеровский текст «своенравен», поскольку всякое его запрашивание, включая и факт перевода, является новым предъявлением того факта, что вопрос, поставленный (перед) самим Хайдеггером, продолжает стоять. Последнее не означает необходимости как-то на него «отвечать» – речь идет о том, что под вопрос поставлена сама возможность отделаться ответом или «откликом» в их обычном, официально-приветственном смысле. Именно поэтому, ввиду постоянной и неизбежной неблагодарности ко всем подобным инициативам, текст этот обречен оставаться «неуместным».

Принимая эту неуместность как должное, мы и будем в дальнейшем иметь с ним дело, пытаясь уяснить, как именно грядущее столкновение с «Парменидом» становится не событием – как *происшествием* или *новацией* – но строго частью того «События», истории которого и вверен предпринятый самим Хайдеггером показ.

Текст этот особенно важен, поскольку полностью посвящен тому пункту, в котором происходит все, имеющее отношение к нынешнему затруднительному положению в современной мысли, включая и саму причину, в силу которой эта затруднительность возникла. Причиной для Хайдеггера – и это проблемный пункт, потому что выбранная им точка неустранимо, *«решительно»* произвольна и иначе и быть не могло – является понятие «истины». Читателям предстоит решить, насколько – в свете критики самого Хайдеггера со стороны Жака Деррида и Алена Бадью – они смогут этому пункту доверять. На наш взгляд, доверие здесь вовсе не грозит стать ловушкой – само рассмотрение «истины» лишено в «Пармениде» даже малейшего пафоса, поскольку именно *право истины* и подвергается автором сомнению – в первую очередь как раз с точки зрения «обладания правом». Это тем более любопытно, поскольку готовное, безоговорочно одобрительное возбуждение по поводу «истины» даже и сегодня легко проникает в любые отсылки к ее понятию. В тот же момент, когда хайдеггеровский текст появился на свет, пафос истины был – по крайней мере, на философской территории – более чем в силе. Трудно даже представить, что какой-либо источник – не витгенштейновский и не аналитический – в то вре-

мя посмел бы от имени философии дать хоть сколько-нибудь требовательное и недоверчивое объяснение всем распространенным практикам, пытающимся удержаться ценой только одного «понятия» истины.

Вопреки всему этому, не прибегая ни к одной из искусственных и чисто полемических попыток избавиться от последнего, Хайдеггер на одном только этимологическом материале доказывает необходимость сохранять в отношении истинностного императива максимальную трезвость. Его требование на этот счет оказывается принципиальным: не поддерживая ни позитивистских, ни социально-критических мер того периода, направленных против метафизического идеала истины, Хайдеггер, тем не менее, не может и мысли допустить о том, что *истине* можно позволить оставаться неспрошенной в отношении той специфической претензии, которую сама она представляет, являясь плодом определенного исторического расклада.

Претензия эта, показывает Хайдеггер, полностью зависит от эффекта той полномочности, которой истина была однажды наделена в силу некоторых языковых завоеваний (речь идет о римском овладении древнегреческим способом мысли). Овладение это, как и любое завоевание, чревато опустошением, по причине которого некоторые области призваны безвозвратно исчезнуть. Исчезло же в итоге то, что современный читатель уже знает под именем «*алетейя*», не всегда представляя, о чем идет речь. Традиционное слово «несокрытость» зачастую путает карты, и именно для того и стоит обратиться к «Пармениду», чтобы понять, что речь идет не о некоей утраченной возможности непосредственного доступа к неведомому, но о странной и еще требующей продумывания «невозможности мыслить истинное и ложное порознь»⁵. Именно потому «истиной» это никто в то время и не называл. То же, что приходит на сцену в римском облики, – это и вправду «истина», которая с самого начала берет бразды правления в свои руки и дает понять, что никакой двусмысленности в ней больше нет. То, что она носит имя «*veritas*» (букв. *истина*) и доказывает в итоге, что никакими из полагающихся ей почестей она поступиться не намерена. История «*алетейя*» тем и заканчивается – и в «Пармениде» это опять-таки предстает как самый что ни на есть этимологический факт, в эпоху действительности которого мы живем и поныне.

Именно на этом основании Хайдеггер интересуется генеалогией истины, пытаясь заново сформулировать ту проблему, в качестве ложного разрешения которой эта истина себя предлагает. Двусмысленность этой генеалогии оказывается достойной той двусмысленности, которую в свое время обнаружил Ницше, пытаясь найти источник морального чувства, показав, что его носителям есть что скрывать относительно его происхождения. Истина – эта воплощенное моральное чувство самой философии – также, согласно Хайдеггеру, оказывается в положении довольно двусмысленном как раз потому, что свою прежнюю двусмысленность – в форме двусмысленной «*алетейи*» – она поспешила похоронить, и причины этого спешного погребения в свою очередь забыты сами. Результатом становится странное смысловое смещение – которое одновременно является также смещением общественным и властно-политическим, как искусно показывает Хайдеггер, не уступая здесь своим соперникам из области социально-критической теории. Это смещение оставило следы в языке, предъявив себя в форме истории обращения с понятием «*ложного*», которое, ориентируясь на свою новую официальную противоположность, также претерпело показательные изменения: «*Falsum* (т. е. «*ложное*» в римском представлении) изменило смысл античного *pseu-*

⁵ Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009. С. 82.

dos, преобразовало его в соответствии со своим собственным смыслом, уподобило его себе и тем самым вытеснило. Такое уподобление всегда является самой опасной и самой долгой формой господства⁶. Господство это, показывает Хайдеггер, начавшись с понятийного убийства, тут же распространяет себя на всей открывшейся ему территории. Античная невинность того же Гиппия Большого, который знать не знал об истине и потому вполне естественным образом с ней не считался, сменяется в европейском и, тем более, новоевропейском периоде странным двойственным отношением, в котором целая институция занимается проблемами «истины», пестуя ее, восхваляя и распространяя ее славу на всех общественных уровнях – от начальной школы до государства – но при этом обустроивая все так, чтобы к ее следствиям и, тем более, к странной, почти криминальной истории ее восторжествования никогда не прикасаться.

Таким образом, то, что в вопросе истины казалось двумя историческими началами, связывается в тугой узел противоречия. Западная истина как *veritas* является чем-то таким, что само появляется в результате намерения от некоторых неудобств и сложностей в продумывании истории самой истины отказаться. Тем самым, как замечает Хайдеггер, римская истина (*veritas*) оказывается именем и орудием для цензурных мер в ее же собственном отношении. Оттого всякая чаемая и как раз в то время намеченная перспектива «единства» истины оказывается парадоксально-недостижимой именно ввиду того, что императив истины распространяется повсеместно и даже делается обязательным.

Неудивительно потому, что истина изначально испытывает на этом фоне недомогание, которое со временем усиливается и которое Хайдеггер сумел подметить за полстолетие до возникновения на сцене современной западной и отечественной философии всех громогласных и бездумных разбирательств на тему «смерти истины».

Здесь как раз и приходит время вернуться к картине современной мысли, о которой речь шла в самом начале. Дело в том, что самим хайдеггеровским показом история вовсе не завершается, но как раз возникает на своем новом витке в момент, когда Хайдеггер делает относительно истины свое разоблачительное заявление, поскольку его встречают предубежденно и, в то же время, со странным воодушевлением, с особыми мстительно-торжествующими ожиданиями, которые хорошо просматриваются при анализе т. н. «правого» читательского крыла, всегда ждущего от философа «обличения современности».

Потому, чтобы предупредить те воззрения на хайдеггеровское начинание, которые (ошибочно) подсвечены ностальгией и упреком, следует сразу указать: Хайдеггер не призывает ни к какой репарации древнегреческой «несокрытости». Напротив – и это и есть противоречиво-динамический пункт его мысли – необходимо было, чтобы *veritas* действительно стала господствующей на известной исторической территории, чтобы она приобрела на ней полномочность и требовательность. Именно эти ее властные признаки в итоге и вызвали к жизни ту двусмысленность, в обличье которой истина сегодня предстает, ибо сама возможность уповать на истину возникла лишь ввиду ее превознесения в личине *verum* («верное», «правильное»). Тем самым «истина» изначально обязана той силе, которая позволила ей числиться среди *важных* вещей, притом что санкционировать и объяснить саму функцию ее «важности» никому с тех пор не удастся. Это упущение и будет впоследствии сопровождать все перипетии истины, что и покажет невоз-

⁶ Хайдеггер М. Парменид. С. 105. *Курсив мой* – А.С.

возможность для нее адекватно отвечать на постоянно возникающее сомнения. Здесь Хайдеггер и расставляет свои аналитические силки, показывая, что не существует другого такого понятия, которое было бы столь же тесно повязано даже не ложью, но разнообразными, сбивающими с толку попытками установить режим, в котором истина смогла бы найти опору в самом поставе в форме «истинного».

Именно потому мы и сказали выше, что само толкование хайдеггеровского учения приняло такое направление, на котором ничто не препятствует также счесть его событием в «истории Бытия», поскольку эта история продолжается именно там, где о ней самой вслух говорят и судят. Сама неустрашимая массовость этих суждений – среда, где Хайдеггера одновременно читают и в то же время от сказанного им снова, по причинам, частично указанным в самом «Пармениде», надежно защищены – и есть тот материал, где следует искать нерв происходящего.

Потому, вопреки общей выучке, заставляющей тщательно отделять тексты мыслителя от следующих на него реакций, следует скорее, напротив, стратегически принять их схождение. Именно это и заставляет нас отступить от жанра «рецензирования» в его метаязыковой форме, поскольку никакого метанарратива здесь нет и быть не может: напротив, каждое суждение, сделанное по мотивам Хайдеггера об «истории Бытия», является ничем иным, как продолжением этой истории. Но чтобы эта продолжающаяся история смогла также стать и продолжением мысли, прежде всего необходимо прекратить обращаться с мыслью самого Хайдеггера как с неким философским «чудом», зовом «неземной мудрости», как восторженно выразился один из рецензентов, успевший уже на «Парменида» откликнуться⁷. Попытка именно так воздать Хайдеггеру должное все еще имеет сегодня место. Не стоит видеть в ней реальное понимание происходящего. Напротив, такая манера, без сомнения, говорит довольно много об истинной – крайне слабой – степени готовности иметь дело с теми довольно практичными и совсем не эзотерическими намеками, которые Хайдеггер то тут, то там оставлял на страницах своей работы, показывая, что есть по своей сути современная мысль и как именно она мыслит. Важно лишь следить, чтобы сама попытка этими намеками воспользоваться в свою очередь не оказалась всего лишь характерной репрезентацией того, о чем сам Хайдеггер предупреждал, предсказывая, что именно так это в устах «говорящей публичности» и будет выглядеть.

Ввиду этого небезразлично, будут ли являться те отзывы и толкования, которые станут «Парменида» «опекать» или «критиковать», действительным следствием за тем, о чем в нем идет речь, или же снова покажут себя как непризнаваемое следствие той «истории забвения», на которую сам этот текст и указывает – а значит, опять-таки, хотя бы и с другой стороны, станут его подтверждением. Кстати, именно поэтому каждое публичное высказывание снова скрыто апеллирует к Хайдеггеру как к тому, кто поставил вопрос об обреченности мнения и суждения, сделанных с общих позиций, оставаться неудачной попыткой справиться с чем-то таким, о чем современность и обречена и в то же время страстно не желает мыслить. Тем не менее, вопреки ее скрытым надеждам, «Парменид» сделать это за нее никак не может.

⁷ Пиршество духа: изумляемся вместе с Юрием Архиповым // Литературная Россия. № 50. 10.12.2010. <http://www.litrossia.ru/2010/50/05814.html> Ссылка действительна на 12.12.10.